

Протоиак. АНДРЕЙ КУРАЕВ

Как относиться к «Розе Мира»

Пожалуй, одним из самых очевидных свидетельств о глубине происшедшей религиозной катастрофы является язык. Каждый народ, каждая культура вырабатывает свой базовый лексикон основных духовно-нравственных понятий. Этот язык понятен всем, независимо от социального статуса и образовательного ценза. Смерд и князь, стоя в храме, одинаково понимали ключевые слова типа «грех», «покаяние», «заповедь», «молитва», «благодать», «спасение»...

Но сегодня в нашей стране происходит смена языка религиозной культуры. Базовые слова христианской, средиземноморской культуры уходят из нашей жизни. Они либо забываются, либо перетолковываются. Как, например, было перетолковано значение слова «покаяние» в знаменитом фильме Абуладзе (где оно оказалось приравнено к обличению грехов своих предков, для какового деяния в библейском языке есть вообще-то совершенно иной термин: хамство).

На место забытых и оболганных слов христианской традиции в обиход приходят другие. Страна заговорила на оккультном жаргоне: «карма», «нирвана», «эгрегор», «энергетика», «астрал» и т. п.¹

Обратить человека в мою веру означает прежде всего навязать ему мой язык. Если он будет говорить моим языком, значит он уже будет смотреть на мир моими глазами. По точному выражению Витгенштейна, «Границы моего языка — это границы моего мира». Человек не видит того, обозначения чего нет в его лексиконе. Так что язык — это совсем не мелочь. Тот орган, которым человек смотрит на мир — это отнюдь не глаза. Человек смотрит на мир своим языком. То, для чего в моем языке нет слов, для меня не существует. Я не вижу того, что не могу поименовать. Хоть пять пар очков будь у меня на носу, но в лаборатории физика я ничего не увижу — ибо нет у меня в запасе тех слов, через которые я могу заметить его приборы².

Слово очеловечивает мир, делает его из «мира в себе» в «мир для меня». Не случайно, что первая заповедь, данная Адаму, — заповедь наречения имен. Не случайно, что переселенцы прежде всего дают имена местным рельефным реалиям. Горы, леса, ручьи должны перестать быть безымянными — только тогда среди них можно по-человечески жить³. Вообще задача религии назвать имена, очеловечить мир, окружающий человека. Как? Человек очеловечивает мир, окультуривает его тем, что он видит в нем свои смыслы, узнает в нем себя самого, видит свои интересы, дает всему свои имена. Имена — это ориентиры. Ориентиры появляются там, где есть разнообразие. Через именование вещи перестают быть равными себе, они начинают различаться и отвечать на наши вопрошания... Для человека очень важно, чтобы мир перестал быть безымянным, чтобы в нем появились человеческие ориентиры. Важно, чтобы поток жизни, который проносится через нас, был соотнесен с нами.

Поэтому так необходимо следить за своим языком: слово наделяет реальностью то, что именуется. Если мы будем говорить на оккультном жаргоне, то мир оккультных духов и энергий станет для нас реальностью и заслонит собою Бога Евангелия. Тут поистине — «от слов своих оправдаетесь и от слов своих осудитесь»⁴.

Типичный пример использования новояза для совершения религиозного переворота — это «Роза Мира» Даниила Андреева.

Самое показательное в «Розе Мира» — это ее язык. Назвать этот язык русским крайне затруднительно. Подобный язык — искусственный, перенасыщенный новоизобретенными терминами, — обычен не для христианской (в т. ч. и русской) религиозной традиции, а для сектантской пропаганды. Искусственный «птичий» язык позволяет уйти от дискуссии и критики. Ведь будь у читателя хоть пять высших образований, но он все равно ни в одном университете не изучал слов, подобных «уицраору» и «затомису». И тут читатель оказывается перед выбором: или принять правила игры, предложенные проповедником, и смотреть на мир его языком и его глазами, или отложить книгу в сторону. Но диалог и обсуждение уже невозможны. Как невозможна дискуссия на оруэлловском «новоязе».

Для чтения этой литературы нужно выучить новые термины, определить их один через другой, понять их связь между собой и тем самым уже принять правила предлагаемой оккультной игры. Человек еще не согласился стать оккультистом, а его уже понуждают мыслить именно в оккультных терминах. Дают специальный язык,

который творит свой мир. В результате происходит перестройка сознания. И даже если она еще не произошла — человеку просто жалко своих сил, потраченных на изучение этого волапука, и потому он будет продолжать двигаться в этом направлении или сохранять хотя бы некоторую верность ему, не будет дистанцироваться или осуждать этот вариант оккультизма.

Так же и с многотомьем Блаватской и Рерихов. Они наваливаются своей плотной грудой, окружают со всех сторон и понуждают мыслить в их терминах и по их законам. Так что то, что не вошло в эти книги или противоречит им, — уже как бы и не существует, исчезает из поля зрения и из языка.

В отличие от оккультных трактатов, Евангелие написано на подчеркнуто народном языке. В нем нет ни одного «богословского» или философского термина. Царство Божие в нем уподобляется дрожжам. Отношения Церкви и Христа («тайну глаголю») — отношениям жены и мужа. Язык Евангелия — это даже не литературный язык, а диалект койнэ⁵. Евангелию нечего прятать. То, что оно открывает, само по себе слишком необычно: Бог пришел к людям.

И сравним эту евангельскую прозрачность с рядовой фразой из каббалистического трактата: «После рождения парцуфа Атик в катнут он сам делает зивуг на решимот 4,3 и рождает таким образом свой гадлут»*. Кто возьмется перевести это на язык людей?⁶

Так вот, уже сам язык Д. Андреева замыкает его вне мира христианской традиции.

«Роза Мира» — труд и не научный и не философский⁷. Андрееву бессмысленно задавать вопросы и ждать от него аргументов. Все изрекаемое им должно восприниматься как абсолютно бесспорная истина, к которой визионер пришел в результате некоего видения или откровения, недоступного профанам.

Философ — тот, кто полемизирует с противником, располагающим такими как и он сам, источниками познания. Даже индийская «Артхашастра» определяет философию как науку, в которой осуществляется «исследование посредством аргументации»**...

Для философии характерно не только «что», но и «как»: не только и не столько предметное поле рассмотрения делает некий текст

* Лайтман М. Каббала. Тайное еврейское учение. Новосибирск: Интербук, 1993. С. 139.

** Шохин В. К. Ф. И. Щербатской и его компаративистская философия. М.: ИФ РАН, 1998. С. 212.

философским, сколько метод этого рассмотрения. Философия вообще начинается с полемики с мифом⁸. У до-философского мифа и первых философских систем почти нет различий в том, о чем они говорят (и, пожалуй, даже в выводах, к которым они приходят). Различие — в способе продумывания и проговаривания. Это различие быстро приводит к выявлению собственно философского проблемного поля, к постановке гносеологических и методологических проблем. Итоговая дефиниция может быть такой: философия — «логико-дискурсивная деятельность, обращенная на мировоззренческую проблематику и реализующаяся в контравертивной аргументации»*. Поэтому для историков науки философия начинается с апорий Зенона⁹. Если более ранние мудрецы утверждают и прорицают, то Зенон — говорит на языке аргументов.

Философия появляется там, где есть оппоненты. Философ, в отличие от пророка, озабочен не столько своим статусом (статус пророка оправдывается очевидностью его связи с сакральным первоисточником его вести), сколько аргументацией. Философ заранее знает, что с ним не согласятся, и поэтому ищет доводы. Философия рождается в публичном диспуте: агонических диспутах Греции и шраманских диспутах Индии.

Так можно ли заметить использование философской методологии в «Розе Мира»?

Книга Андреева «изрекает», но не содержит в себе рациональных аргументов, подтверждающих свои тезисы и анализирующих контрдоводы оппонентов.

О «научности» и «проверяемости» построений Андреева можно судить по его интерпретации растерянности Сталина в начале первых военных дней и по его описанию всей Второй мировой войны: «<...> вождь испытывал <...> страх за то, что этой минутой он дискредитировал себя в глазах Урпарпа: ею он вызвал в демоническом разуме Шаданакара сомнение: а не хлюпик ли он <...>? <...> ему всей своей мощью помогает Жругр, и Великий Игва Друккарга пользуется его способностью к состоянию „хохха“, чтобы вразумлять его и корректировать его действия. <...> демиург и Синклит России прекратили свою трансфизическую борьбу с Друккаргом в тот момент, когда на эту подземную цитадель обрушились орды чужеземных игв из шрастра Клингзора. Как отражение этого, была

* Шохин В. К. Философия в Индии // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 201.

прекращена и борьба с теми, кто руководил Российской державою в Энрофе. <...> к концу войны Жругра распирала неслыханная сила. Множество игв и раруггов пали в борьбе, но уицраор окреп так, как никогда еще не видели. <...> В состоянии хохха Сталин многократно входил в Гашшарву, в Друккарг, где был виден не только великим игвам, но и некоторым другим. Издалека ему показывали Дигм. Он осторожно был проведен, как бы инкогнито, через некоторые участки Мудгабра и Юнукамна, созерцал чистилище и слои магм. Издали, извне и очень смутно он видел даже затомис России и однажды явился свидетелем, как туда спустился, приняв просветленное тело, Иисус Христос»*.

Но если это текст и не научный и не философский, то тогда стоит задать вопрос о его источнике. Откуда шли «видения» и в каком состоянии был «медиум»?

Доброкачество мистических откровений Андреева также можно поставить под большой вопрос. В любой мистической традиции утверждается, что спокойное состояние души — необходимое условие подлинного опыта. Солнце отражается в спокойной воде...

О том, в каком душевном состоянии он находился, есть очень интересное свидетельство у Шульгина. По возвращении в СССР он был арестован и находился в одной камере с Д. Андреевым**. Андреев вставал до подъема и ложился после отбоя. Все время он непрерывно курил и непрерывно играл в шахматы¹⁰. И то и другое — признак огромной душевной неуравновешенности (игра в шахматы развивает не только ум, но и самолюбие¹¹). Так что голоса и видения, наполняющие его тюремное произведение, — это не признак духовного здоровья¹².

Ну а если не считать «мистический опыт» Д. Андреева плодом обычной психической болезни, то ведь придется его считать плодом бесовского одержания. «<...> Великий враг не дремал, и даже в книгах Нового Завета явственно различается местами его искажающее прикосновение. <...> проникая в человеческое сознание авторов Евангелия, он сумел извратить многие свидетельства, исказить и омрачить идеи, снизить и ограничить идеал, даже приписать Христу слова, которых Спаситель мира не мог произнести. <...>

* Андреев Д. Л. Цит. соч. С. 225–228. {РМ 11.3.90,92,96,116 (3: 435–442).}

** См.: Шульгин В. В. Пятна // Лица. Биографический альманах. Вып. 7. СПб., 1996. С. 378.

Самое учение оказалось искаженным, перепутанным с элементами Ветхого Завета — как раз теми элементами, которые преодолевались жизнью Христа, а если бы эта жизнь не оказалась оборвана, были бы преодолены окончательно. Основная черта этих элементов — привнесение в образ Бога черт грозного судьи и приписывание Ему законов нравственного возмездия. <...> Вместо продолжения Христова дела <...> апостол Павел развертывает широчайшую организационную деятельность <...> Павел не испытал схождения Святого Духа¹³ <...> лишенный благодати Павел <...> оказывается центральной фигурой <...>» *¹⁴.

После таких слов христианин может лишь с горечью об авторе отложить книгу Андреева и постараться держаться подалеже от шипов предлагаемой им «розы»¹⁵.

Интересно, что, даже по мнению Е. Блаватской, «Павел был Посвященным»**. Окультисты держат на одной полке книги Андреева и Блаватской, даже не вдумываясь в противоречия между ними¹⁶. А противоречия-то неизбежны, — ибо каждый оккультный автор действует на основе собственных «откровений» и никаких путей для проверки своих утверждений не предлагает¹⁷.

Так что и по языку, и по аргументации, и по содержанию, и по источникам «Роза Мира» Даниила Андреева — типичный пример сектантской литературы.

А то, что эта книга стала «культовой», означает, что неоязычество стало самой массовой религиозной формой сознания.

Этот диагноз не должен изумлять. Обвал религиозной культуры страны был настолько глубок, что совершенно понятно, что из этой вечной мерзлоты атеизма религиозное чувство не сможет сразу перепрыгнуть к высотам. Наша страна сегодня обречена на то, чтобы вкратце пройти всю религиозную историю человечества (надеюсь, что это будет вкратце).

* Андреев Д. Л. Роза Мира. М.: Прометей, 1991. С. 114–117. {РМ 6.2.22,30,35 (3:217,219,221).}

** Блаватская Е. П. Тайная Доктрина. В 2 т. Рига: Угунс, 1937. Т. 2. С. 644.